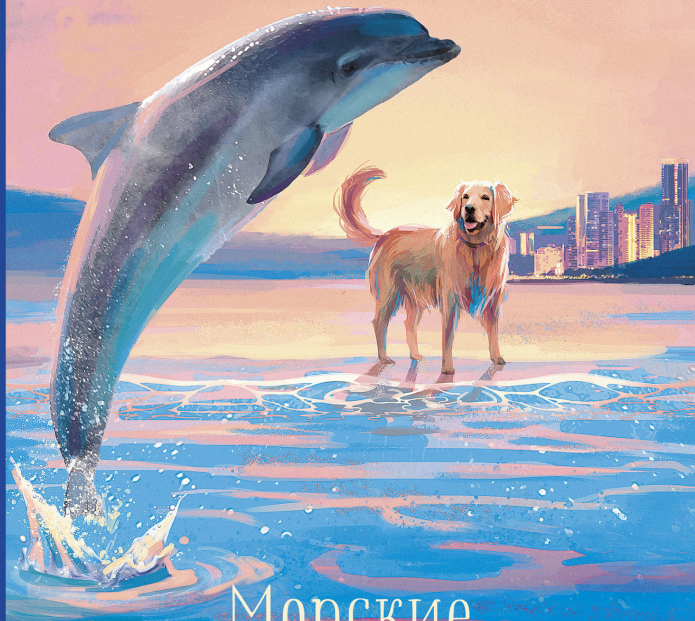

радуга

МИХАИЛ
САМАРСКИЙ

для друга

Морские
приключения
Трисона

Михаил Александрович Самарский

Морские приключения Трисона

Серия «Радуга для друга»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33175659

Морские приключения Трисона/ Михаил Самарский: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-114637-5

Аннотация

Наш любимец Трисон вместе со своим напарником отправляется в командировку, где его ждут самые неожиданные открытия!

Приехав в Израиль, Тришка наслаждается солнечными ваннами и песочными пляжами, не подозревая, что совсем скоро ему придется бороться с бескрайними просторами океана, случайно оказавшись за бортом катера. Но не волнуйтесь: житель водных глубин не оставит его в беде. И на этом приключения лабрадора не закончатся: после своего чудесного спасения он и сам сможет покорить непослушные волны – на доске для серфинга!

Содержание

Вместо пролога	5
Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	51
Глава 4	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Михаил Самарский

Морские

приключения Трисона

*Константину Фарберу
посвящаю*

*Когда у тебя нет выбора, стань отважным.
Еврейская поговорка*

Вместо пролога

Шалом, друзья!

Догадались, куда мы с вами отправимся в путешествие на этот раз? Совершенно верно, в страну Израиль. Если вы читали предыдущие мои истории, наверняка помните, что мы с подопечным уже давно собирались в гости к его израильскому другу, но в самый последний момент что-то пошло не так – планы поменялись и мы отправились на Чукотку¹, о чём я, конечно, ни капли не жалею.

Но я заметил, у людей часто такое случается: планируют-планируют, а потом бац – и в один миг всё переворачивается с ног на голову. В этот раз я решил не делать долгих пауз в нашем с вами общении, потому как жизнь в последнее время преподносит сплошные сюрпризы. Думаю, будет некрасиво, если я не расскажу вам о своих приключениях на Земле обетованной. Да и вы на меня обидитесь, скажете: «Вот такой-сякой Трисон, сам где-то путешествует, а с нами не делится впечатлениями!»

Хотя это не самая главная новость, которую я хотел вам сообщить. Есть гораздо важнее. Вы не поверите: я стал пенсионером. Да-да, вы не ослышались. Меня отправили на заслуженный отдых. Андрею Максимовичу предложили взять

---

¹ Из повести «Тришка на Севере»

поводыря помоложе, но он наотрез отказался со мной расставаться, и я остался жить в семье Елисеевых. Последнее время здоровье подопечного стало пошаливать, он всё больше лежит в постели и практически не выходит на улицу. Впрочем, теперь как-то и неуместно называть его «подопечным», ведь я уже, можно сказать, и не поводыр. Хотя, как говорит Максимыч о людях своей профессии, бывших полицейских не бывает – вот и я считаю, не бывает бывших поводырей. Сашка, мой второй подопечный², непременно бы в таком случае сказал: «Поводыр, Трисон, он и в Африке поводыр».

Когда комиссия из школы объявила о моей отставке, признаюсь честно, я немного расстроился. Ведь я не старый пес, мог бы ещё служить и служить людям. Но потом пораскинул собачьими мозгами и пришёл к выводу: всё, что ни делается, – всё к лучшему. Хоть отдохну от шлейки, да отоплюсь... по-человечески.

Хм, размечтался. Думал, теперь буду сутками валяться перед телевизором, смотреть любимые передачи и повышать уровень самообразования. Да не тут-то было.

После того как мы вернулись с Чукотки, к нам ещё долго приезжали журналисты. Оказывается, новости о том, что я помог задержать банду грабителей, орудовавших в аэропорту города Анадырь, и спас мальчика, потерявшегося в пургу, облетела все российские СМИ. Наслушавшись рассказов

---

² Из повести «Радуга для друга»

о моих северных приключениях, сын подопечного Максим быстренько взял меня под свою опеку. Вы же помните – он служит в полиции в уголовном розыске.

– С твоими навыками, Трисон, рано тебе ещё на диване валяться, – заявил он.

Да я-то готов трудиться хоть до самой смерти, вот только члены комиссии, которые меня списали, так не считают.

– Пойдёшь служить ко мне, ты должен приносить пользу людям, – убеждённо продолжил Максим.

Вон ты о чём! А я думаю, куда это он клонит, вспоминая про мои навыки? Чую, если буду работать с тобой, не то что телевизор посмотреть, я и спать толком не смогу. Уж я-то помню, как ты втихаря от Максимыча таскал меня на ночные дежурства. От нашей совместной службы у меня даже ранение осталось³.

– Собирайся, Трисон, поедешь со мной в командировку, – вскоре сообщил он, вернувшись со службы.

– Что ещё за командировка? – удивился Андрей Максимович.

– На Землю обетованную поедем. Высшее начальство – молодой человек ткнул пальцем в потолок, будто подопечный мог его видеть, – договорилось о совместном сотрудничестве. Израильские коллеги будут делиться с нами своим опытом по созданию туристической полиции в России.

– Как жаль, что я не могу с вами поехать, – огорчённо

---

³ Из повести «Как Трисон стал полицейским»

произнёс подопечный. – Я ведь так мечтал походить по библейским местам и повидать друга!

– Отец, не расстраивайся, – поддержал Макс. – Вот немного поправишь здоровье и обязательно поедешь.

– Эх, сын, видимо, не судьба мне уже побывать в Израиле... – Он обречённо махнул рукой.

Я взглянул на Максимыча, и так жалко его стало – аж сердце сжалось.

– Батя, какие твои годы! – ободряюще воскликнул сын и похлопал отца по плечу. – Поедешь, ещё непременно поедешь.

В отделе полиции, где работал Максим, тоже прослышали о моих чукотских подвигах. Руководство не задумываясь приняло меня на работу и даже выдало удостоверение: тёмно-синюю книженцию с золотой надписью «Служебная собака». Внутри неё была кличка сотрудника – то бишь моя, – фамилия Максима в качестве кинолога и фотокарточка моей физиономии. Кстати, я на ней неплохо вышел – очень даже симпатичный пёс. Хотя чему тут удивляться? Я всегда знал, что хорош собой. Когда смотрю в зеркало, сам себе завидую, потому что «нельзя быть красивым таким».

Вот вам и пенсия. Вы, люди, как рассуждаете, когда выходите на заслуженный отдых? Дети выросли, на работу ходить не надо, теперь можно пожить в своё удовольствие. И я точно так же думал. Рано радовался – вроде и пенсионер уже, а всё ещё такой наивный пёс... Придётся ещё порабо-

тать, никуда не денешься. Хотя чего я разбубнелся? Всё равно не смогу долго сидеть без дела, не привык я сутками валяться на диване. Не посчитайте мои слова за пафос, но для меня неважно, как служить человеку – водить слепого, искать людей в сугробах или ловить преступников – главное, чтобы я мог приносить пользу. Иногда думаю: если бы мою жизнь можно было заменить другой, кем бы я хотел быть? И вы знаете, каждый раз ловлю себя на мысли, что ничего бы не стал менять. Поверьте мне, это невероятное счастье – быть нужным людям!

Ну что ж, командировка так командировка. Эх, где моя не пропадала! Надеюсь, хоть увижу те «дикие пляжи», о которых рассказывал хозяин.

Перед отъездом Максим читал в Интернете об Израиле. Оказывается, сама по себе страна очень маленькая, её протяженность – всего пятьсот километров. Как расстояние от Москвы до Воронежа. И такое крошечное государство омывается тремя морями: Средиземным, Красным и Мёртвым. Во как! Может быть, мне повезёт и я смогу искупаться во всех? Ну или хотя бы просто лапы помочить, если уж совсем не будет времени – мы же всё-таки не на отдых едем, а в командировку. А если ещё удастся поваляться на золотом песочке... всё, считай, жизнь удалась!

Глава 1

Поездка в Израиль выпала на июнь месяц. В душе я радовался: мало того, что летим летом, так ещё и в тёплую страну – хоть не придётся морозить лапы и хвост, как это было на Чукотке. Север – великолепный, удивительный край, равных ему по своей природной красоте нет в нашей стране! Я очень часто во сне вижу красочный карнавал северного сияния, белую медведицу с её малышом, слышу вой далёких предков. А сколько новых, интересных друзей я там приобрёл! Всё было замечательно на Чукотке, но я никогда не забуду тот... собачий холод. Как вспомню – мурашки бегут по коже, до сих пор удивляюсь, как не отморозил уши⁴.

Имея удостоверение служебной собаки, я наивно полагал, что теперь мне положено летать чуть ли не бизнес-классом. Хм, какой я легкомысленный пёс. За несколько дней до отлёта, после посещения ветеринарной клиники, мы заехали в зоомагазин.

– Выходи, – приказал Максим, открыв передо мной дверь автомобиля, – пойдём подбирать для тебя контейнер.

Я не сразу понял, о каком контейнере идёт речь. Сначала подумал: он говорит о тех пластмассовых коробочках, в которых хранят еду. Видимо, хочет в них положить мой корм в

---

⁴ Из повести «Тришка на Севере»

дорогу. Но каково же было моё удивление, когда продавец в магазине, симпатичная блондинка, подвела нас к клетке размером с меня.

– Вот то, что вам нужно, – со знанием дела сообщила она. – Обычно такие покупают для перевозки крупных пород собак.

Девушка вдохновенно демонстрировала мини-острог и, кокетливо хлопая ресницами, с улыбкой поглядывала на Макса. Я уже давно привык к тому, что женщины так реагируют на Елисеева, особенно когда он в форме.

– А ну-ка, Трисон, давай посмотрим, удобно ли тебе будет здесь. – Он открыл дверцу и скомандовал: – Забирайся внутрь.

Я с сомнением посмотрел на Максима, пытаюсь понять, правильно ли я понял его предложение.

– Да-да, ты не ослышался, – улыбнулся он, – надо убедиться, что тебе будет комфортно лететь в ней три часа.

Вон оно что! Да... поездку на Чукотку я ещё долго буду вспоминать как лучшее приключение в моей жизни. В Анадырь я летел, как... как человек, в салоне, рядом с Андреем Максимовичем. Ещё возмущался, глупый пёс, что на меня нацепили намордник! А в Израиль придётся отправиться в качестве чемодана – да ещё и в грузовом отсеке. Одного не могу понять: как из живого существа можно делать какой-то груз? Вот тебе и удостоверение служебной собаки. Руководство авиакомпаний не волнуется, ловлю я преступни-

ков или спасаю людей. Вес больше восьми килограммов – значит, добро пожаловать в багажное отделение. Ваше место, уважаемый четвероногий полицейский, среди сумок и коробок.

– Ну как? – Максим вопросительно посмотрел на меня. – Удобно?

Ага, удобно! Ты сам попробуй посидеть в этом сундуке. Комфорта особого я не ощутил, но и сказать, что всё было уж совсем трагично, тоже нельзя. По крайней мере, в ней я мог стоять в полный рост, да и прилечь получалось. Но клетка есть клетка. Ладно, зачем портить нервную систему, если всё равно ничего не смогу изменить? Вот такая она – собачья жизнь. Ещё не успел отойти от осмотра ветеринара – и вот тебе новый неожиданный поворот в предстоящем путешествии.

Интересно, для чего доктор Айболит аж два раза заглянул мне под хвост? Что он там хотел увидеть? Врач осматривал меня так, словно я – первый пёс, который должен отправиться покорять Марс. Раза три заставил открыть пасть, несколько раз посветил фонариком в уши и глаза, проверяя реакцию зрачков. У меня даже сейчас красные звёздочки пляшут перед глазами. Я едва не лишился остатков завтрака, когда он ощупывал мой живот. Неужели нельзя это делать понежнее?

После утомительного сбора справок и прохождения разных процедур перед командировкой что-то мне совсем захотелось лететь. Одно обнадеживает: земля там вроде как

обетованная. Только вот не могу понять, она обетованная только для людей или для всех живых существ?

Но как бы я ни хотел отсрочить день отъезда, всё же он настал. В аэропорт нас отвозили на полицейской машине. На стоянке аэровокзала мужчины выгрузили вещи и клетку из багажника, Максим пристегнул поводок к ошейнику, и мы все вместе направились в терминал вылета. Наконец настало время прощания.

– Ну что, друзья, удачи вам, – произнёс капитан полиции Иван Дёмин, коллега Максима, и протянул ему руку. – Берегите себя. Всё-таки, как говорят, Восток – дело тонкое. Там глаз да глаз нужен.

Я невольно напрягся: с его слов стало понятно, что мы летим в какое-то опасное место.

– Будем живы – не помрём, – произнёс Елисеев-младший, окончательно нарушив мой покой.

Вы же знаете – я не трус. Но в тот момент, клянусь, мне стало страшно. Будто мы на войну отправляемся.

Мужчины обнялись, похлопав друг друга по спине.

– Триха, надеюсь, ты не замёрзнешь в грузовом отсеке, – улыбнулся Иван.

Что-то я не понял, о чём это он. Выходит, багажное отделение не отапливается? Помню, стюардесса во время полёта в Анадырь сообщала: температура за бортом на высоте десять тысяч метров – минус пятьдесят градусов. Так я же в сосульку превращусь в той камере хранения!

– Ничего, если замёрзнешь, в Израиле отогреешься, – словно услышав мои мысли, продолжил капитан. – Там сегодня плюс сорок.

– Ваня, не переживай, – успокоил Макс, – в авиакомпании сказали, что температура в грузовом отделении опускается до пяти градусов. Трисон у нас на Чукотке жил в минус сорок – что такое для него плюс пять? Так, ерунда.

Мужчины ещё раз пожали друг другу руки, и Дёмин направился на выход, оставив нас вдвоём. Мы молча смотрели ему вслед, когда он обернулся и, махнув рукой, перекрикнул шум аэропорта:

– До встречи, парни!

Когда он скрылся за дверью, Максим посмотрел на меня. По его сочувствующему взгляду я понял: пришло время нашего вынужденного расставания.

– Ну что, Трисон, забирайся, – грустно вздохнул он, открывая дверцу клетки. – Извини, брат, но ничего не поделаешь – такие правила у авиаперевозчика. Ты не волнуйся, лететь всего три часа, они быстро пролетят. Так что увидимся мы с тобой уже на Святой земле.

Я не понял, земля все-таки обетованная или святая? Или это одно и то же?

Звук запираемой дверцы напомнил мне лязг металлической решетки, когда однажды меня посадили в обезьянник к «некусачему» бомжу⁵. Вот и превратился я в самую насто-

---

⁵ Из повести «Радуга для друга»

ящую бандероль. Как узник замка Иф, я с тоской смотрел в решётчатое окошко, где только что исчез Максим.

Признайтесь, вы нервничаете во время полёта? Вот так же и мы. Для животных это серьёзнейший стресс. А ведь человеку проще: он может принять успокоительное, почитать книгу, послушать музыку или посмотреть кино: иными словами, как-то себя отвлечь от гнетущих мыслей. А нам остаётся стиснуть зубы и смириться с положением.

И всё-таки не пойму, для чего ветеринар с таким усердием проверял моё здоровье, если мне всё равно лететь в клетке в багажном отделении? Странные всё-таки люди. Почему-то когда животное приходит им на помощь, выручая из беды, их не заботит здоровье спасателя. На Чукотке во время пурги я нашёл потерявшегося мальчика и провёл с ним ночь под строительным контейнером, согревая своим теплом, из-за того что ребёнок повредил ногу и не мог идти. А утром, когда стихия улеглась, я привёл к месту нашего ночлега его отца. Представляете, если бы родитель первым делом поинтересовался у меня: «Трисон, а есть ли у тебя справка о состоянии здоровья?» Уверен, перепуганный до смерти отец тогда и не думал, здоров ли пёс, спасший жизнь его сына⁶. А в самолёте, видите ли, я помешаю пассажирам.

В багажном отделении таких же клеток с узниками оказалось ещё четыре. В одной из них, прямо напротив меня, лежал боксёр мандаринового цвета. Он положил передние ла-

---

⁶ Из повести «Тришка на Севере»

пы по бокам от чёрной, как смоль морды, при этом его большие губы смешно расплющились по полу клетки. Пёс закрыл глаза, со стороны казалось – собака спит. И только едва заметное шевеление бровей и подрагивание кончика носа говорило о том, что он слышит и чувствует всё, что происходит вокруг. Его уши двумя подгорелыми оладушками висели по бокам головы, а во лбу горела «звезда» в виде белого клочка шерсти.

В другой клетке сидела небольшая такса. Её шоколадный окрас разбавляли чёрный нос и крошечное пятно на груди такого же цвета. Вроде маленькая собачка, а уши размером с лопухи. Она переминалась на коротких лапах: по всей видимости, бедолага изрядно нервничала. Её-то за что засунули в багажное отделение? Она же ростом с человеческий ботинок. Ещё в одном контейнере сидели пять щенков немецкой овчарки. Я взглянул на них и мысленно улыбнулся. Одним словом – дети! Они абсолютно не переживали по поводу предстоявшего полёта. Их больше занимала игра под названием «поймай мой хвост, если сможешь». Малыши тянули друг друга за уши, кусали за лапы, таскали за хвосты, кувыркались, забираясь друг на друга и звонко при этом твякая. Один из них выудил из угла контейнера резиновую утку. На неё тут же набросился другой щенок, и они начали тянуть игрушку в разные стороны, театрально рыча. Их игра не осталась без внимания – остальные тоже бросились к своим собратьям. Все желали забрать резиновую дичь себе.

В борьбе за неё они слились в один шерстяной комок, в котором то и дело мелькала серо-зелёная утка.

В четвёртой клетке вальяжно развалились два жирных (простите за грубое слово – другое в описании этих животных будет неуместно) рыжих кота. Судя по их габаритам, вдвоём они весили больше меня. Интересно, чем они питаются? Казалось, им вообще всё фиолетово – они лежали на мягкой подстилке клетки, словно два сытых льва и, закрыв глаза, громко урчали в унисон.

Вдруг всё загудело, зашумело, хоть уши затыкай. От одних звуков можно инфаркт получить! Боксёр открыл глаза, приподнял морду и со знанием дела произнёс:

– Двигатели завели.

Когда я летел в Анадырь, в салоне самолёта так не чувствовался шум. Здесь же было ощущение, будто наши клетки стоят прямо на этих самых двигателях. Пёс замолчал, снова уронил голову и поводил глазами из стороны в сторону. Я чувствовал каждую кочку, каждый бугорок взлётной полосы, когда самолёт начал движение. Точно клетку вместе со мной тащили по стиральной доске.

– Готовимся к взлёту, – невозмутимо сообщил боксёр.

Воздушное судно разогналось и понеслось с невероятной скоростью, вокруг всё сотрясалось, скрипело, тархтело, пыхтело, как самовар. Если бы наши контейнеры были не привязаны, мы бы летали вместе с ними по всему грузовому отсеку. От такой болтанки я тоже был вынужден лечь на пол

своего сундука. Внезапно шум смолк, а в уши будто напихали ваты. Я судорожно глотал ртом воздух, пытаясь избавиться от неприятного ощущения.

– Взлетели, – деловито заметил боксёр.

Он осмотрелся по сторонам и вновь уронил голову на лапы. Вдруг что-то гроыхнуло, самолёт подпрыгнул в воздухе, и он добавил:

– Шасси убрали.

– Ой, мне так страшно, так страшно, – жалобно запричитала такса. Она вскочила на лапы и заметалась по клетке.

– Да успокойся, чего ты суетишься? Теперь уже нечего бояться. Большинство авиакатастроф происходит либо во время взлёта, либо во время посадки. Так что можешь расслабиться на ближайшие два с половиной часа, – ободрил боксёр перепуганную до смерти собаку.

– Ты так хорошо разбираешься в том, что происходит! Откуда ты всё это знаешь? – удивился я.

– Привыкший, летаю каждые две недели, – хмыкнул пес. – Москва – Тель-Авив и обратно. У моего хозяина бизнес в России, вот мы и путешествуем туда-сюда.

– Почему он не оставляет тебя с кем-нибудь? – недоумевал я. – От бесконечных полётов можно с ума сойти!

– Не может он без меня, говорит, я для него как ангел-хранитель. И мне без него плохо, мы с ним друзья – не разлей вода, – ответил боксёр. – Да и нет у него никого, кроме меня, он закоренелый холостяк.

– А я сколько раз уже летала, всё никак не могу привыкнуть, – вмешалась в разговор такса и представилась: – Меня, кстати, Тэтчер зовут.

– Какая странная у тебя кличка, – заметил я и тоже назвался: – Трисон.

– Впервые слышу такое имя, – хмыкнула собеседница. Она вытянула узкую морду и поводила носом, приняюхиваясь к окружающим запахам.

– Так когда-то звали тибетского царя – Трисон Децен, – поведал я.

– Ничего себе! – воскликнула собака, вытаращив на меня чёрные угольки глаз. – У меня, между прочим, тоже имя непростое. Меня назвали в честь очень известной женщины. Она когда-то работала премьер-министром Великобритании. Представляете, прозвище у неё было «железная леди». Мой хозяин говорит, мы с ней похожи, потому что у меня тоже независимый и волевой характер, – рассказала такса.

– Характер волевой, а летать боишься, – ухмыльнулся пёс. Он сел на задние лапы, при этом щёки его опали вниз, а морда напомнила побитое в бою лицо боксёра.

– Это совершенно разные вещи, – возразила Тэтчер, кинув на него сердитый взгляд. – Я проявляю свой нрав в других случаях.

– В каких это? – с насмешкой спросил он. – Да и как можно себя проявить, если ты ростом от горшка два вершка?

– А это здесь при чём? – возмутилась «премьер-министр»

и с сарказмом добавила: – Позвольте заметить, уважаемый боец, собаки моей породы – самые лучшие охотники. Мой хозяин – большой любитель пострелять уток. Однажды он допустил оплошность – отправился на охоту без меня и вернулся домой с пустыми руками. А всё из-за того, что не смог найти в болотистой местности подстреленную дичь. С той поры он больше не ездит на охоту один. Зато когда мы с ним вдвоём, всегда привозим домой полный багажник добычи – даже приходится раздавать родственникам и друзьям. Но это не все мои способности. Ещё я отличный охранник. Как-то раз даже отпугнула грабителей, которые пытались залезть в нашу квартиру. Я тогда была одна дома, хозяева уехали на работу. Дремлю себе спокойно на пуфике в прихожей, вдруг слышу – кто-то в замке ковыряется. Тихонько подобралась к двери, приняухалась, чую по запаху – чужие. Я такой шум подняла: начала громко лаять и кидаться на дверь, словно я не такса, а целый алабай. Воришки испугались не на шутку и побежали вниз. Я только расслышала топот ног по лестнице. Так что дело вовсе не в росте, а в силе духа. А летать даже люди боятся.

– Извини, если я тебя обидел, – буркнул пёс и стыдливо опустил голову.

– Да ладно, чего уж там, – сказала «железная леди». – Я привыкла к дискриминации. Не только ты, многие считают – если собака маленькая, то от неё никакой пользы. А тебя как зовут?

– В отличие от ваших знаменитых имен, моё простое, Ёся, – ответил он и добавил: – А если официально, по паспорту, тогда – Иосиф.

– Тэтчер, ты же вроде маленькая собака, почему хозяин не взял тебя с собой в салон? – поинтересовался я.

– Потому что мой вес превышает положенную норму на один килограмм, – сообщила она. – Он всячески пытался убедить представителей компании, мол, нет никакой разницы между восьмью и девятью килограммами, но те упёрлись: нет и всё. Он так ругался с ними, так кричал, так кричал, – собака покачала головой, – говорит: я лечу отдыхать в Израиль, а вы хотите испортить мне настроение на весь отпуск? Даже пригрозил им, что больше никогда не воспользуется их услугами. А они только и твердят: не положено, у нас есть инструкция.

– Это они любят – ссылаться на всевозможные распоряжения от начальства, уже давно заметил, – хмыкнул я.

Сразу вспомнилось, сколько было случаев в моей работе в качестве поводыря, когда люди махали перед носом подопечных несуществующими инструкциями.

– А ты раньше летал куда-нибудь на самолёте? – обратился ко мне просто Ёся.

– Да, – кивнул я, – правда, тот перелёт длился целых десять часов. Тогда мне повезло, я летел в салоне.

– Это что же за авиакомпания такая, что они тебя туда пустили? – ухмыльнулся боксёр. – Ты же здоровый парень.

– Они не могли меня не пустить, я раньше работал по-поводырём и должен был всегда находиться рядом с подопечным, – рассказал я.

– А куда это ты летел столько времени? – вновь спросил он.

– На Чукотку, – ответил я.

– Ничего себе, – воскликнула такса, округлив глаза, – там же холодно! И ты не замёрз?

– Как видишь, живой, – усмехнулся я.

– А почему теперь летишь в багажном отделении? – не унимался боксёр.

– Потому что сейчас я служебная собака, – ответил я. – Меня взяли на работу в полицию.

– Разве тебе не положено находиться вместе со своим хозяином? – удивился он, вскинув брови чуть ли не к потолку.

Неожиданно я поймал себя на мысли: «Как же непривычно для меня теперь звучит слово «хозяин».

– В том то и дело, что нет. В салоне могут летать только поводыри или собаки для эмоциональной поддержки человека.

– Это что ещё за поддержка такая? – нахмурился пёс.

– Среди наших собратьев есть такие, которые помогают человеку, страдающему психологическим расстройством, бороться с чувством тревожности, депрессией, различными стрессами, – поведал я, – у людей много всяких проблем.

– Хм, впервые слышу про таких помощников, – ухмыль-

нулся Иосиф и добавил: – А вот твоих коллег я встречал в Израиле. Между прочим, собаки нашей породы обладают крепкой нервной системой и уравновешенной психикой, что позволяет нам тоже быть поводырями. А вообще в Израиле любят нашего брата. У нас практически нет бездомных животных, а если вдруг появляется на улицах брошенная собака, для неё сразу же находится хозяин и новый дом. И больше всего в нашей стране живёт твоих сородичей – лабрадоров.

– Выходит, добрые люди живут на Земле обетованной, – заметил я.

Пока мы беседовали, щенки наигрались и теперь сопели, сбившись в кучу. При взгляде на них было непонятно, где чей хвост и где чьи лапы – они превратились в один мохнатый клубок.

Тем временем один из котов периодически приоткрывал глаз и поднимал ухо, слушая, о чём мы говорим. Когда я в очередной раз посмотрел на него, он выпучил на меня зелёные глазищи и бесцеремонно спросил:

– Чего ты всю дорогу таращишься на меня, наглый пёс?

Верите, я от такой бестактности чуть не подавился слюной!

– Нужен ты мне больно, – ответил я.

Признаюсь честно: я соврал. Я и правда поглядывал в их сторону, потому что не смотреть на них было невозможно. Наверняка с вами тоже такое происходило, когда вы понимаете: нехорошо пристально разглядывать кого-то, – но не мо-

жете этого не делать, потому как вас разбирает любопытство, и объект настолько привлекает внимание, что вы то и дело коситесь в его сторону. Зеленоглазые звери были не просто толстые, они... да это и не коты были вовсе, а два поросёнка. Уверен, они с трудом проходят в двери своего жилища. Каждый из них напоминал мне колбасу «вязанку» гигантских размеров.

– Не обращай на него внимания, – посоветовал Ёся, – я две недели назад летел с ними в Москву, а теперь вот обратно. Он точно такой же вопрос и мне задавал. Одного из них зовут Юлий, а другого Цезарь. По всей видимости, они и правда считают себя императорами.

Наверное, тогда боксёр тоже был впечатлён габаритами котов и не мог отвести от них взгляд.

– Видимо, их хозяин ещё тот шутник, – усмехнулся я и добавил: – Хотя я уже давно перестал удивляться человеческой фантазии в умении придумывать клички для животных. Когда был на Чукотке, там я подружился с далматинцем по кличке Горох.

О том, как мою кличку постоянно интерпретируют, переименовывая меня то в Трифона, то в Трусона, то бог ещё знает в кого, я умолчал. Честно сказать, не захотел позориться.

– Лучше уж тогда быть Иосифом или Тэтчер, но только не горошком, – усмехнулся Ёся.

– Вот глупые собаки, чего разгалделись, как птицы? Спать не даёте, – возмутился один – то ли Юлий, то ли Цезарь.

Коты походили друг на друга как две капли воды.

– Хоть бы печку включили, изверги, – сонно произнес второй, – я замёрз как собака.

Затем он сел на задние лапы, опершись на передние.

– В такой шубе тебе холодно? – удивился боксёр.

– Я, между прочим, теплолюбивый кот, привык жить в комфортном климате и совершенно не переношу холод, – ответил кот.

Видно было, что ему тяжело сидеть долго в одном положении: он опустил на пятую точку, вытянув вперёд задние лапы, и опёрся спиной на стенку клетки. Мне даже показалось, что та жалобно заскрипела под его весом.

– Слушай, кто из вас Юлий, а кто Цезарь? Я так и не понял в прошлый раз, – поинтересовался Еся.

– Ох, – закатил глаза кот, – мы хоть и близнецы, всё же отличаемся друг от друга. Меня зовут Цезарь, на моей груди белый треугольник, а он, – «император» кивнул на своего брата, – Юлий. На его груди чёрный треугольник.

– А почему ваш хозяин дал вам такие имена? – любопытствовал я.

Малюсенькое белое пятнышко, которое он называл геометрической фигурой, с трудом можно было рассмотреть невооружённым глазом. Оно терялось в складках на толстой шее кота.

– Он у нас доктор исторических наук, преподаёт в университете, – рассказал Цезарь, – его любимая тема – история

Древнего Рима.

За разговорами мы не заметили, как пролетело время полёта. Нескончаемый шум в багажном отделении ещё больше усилился, самолёт дёрнулся и вновь подпрыгнул в воздухе.

– Шасси выпустили. Сейчас будем садиться, – произнёс всезнающий Ёся.

Спустя несколько минут воздушное судно коснулось колёсами посадочной полосы и, сразу потеряв всю свою лёгкость, тяжело и быстро покатило по земле.

Глава 2

Если бы я летел как человек и выходил из самолета как все нормальные люди, спускаясь по трапу, я бы поделился с вами первыми впечатлениями от Земли обетованной. Обычно писатели в своих книжках в таких случаях пишут: «...Я вышел к трапу самолёта, и мне в лицо ударил холодный ветер...» Или: «...Сойдя с трапа, я вдохнул воздух новой страны и почувствовал, как опалает меня жаркое австралийское солнце». Ничего подобного со мной не произошло. После благополучного приземления мы ещё долго сидели в грузовом отсеке, ожидая, когда нас погрузят на автокар. Знаток Ёся говорит, что так называют маленькие машинки, позади которых вереницей тянутся прицепы в виде тележек для перевозки багажа.

Боксёру запросто можно работать бортпроводником. А что? Животные летают регулярно, им тоже нужен опытный сородич, который поможет справиться с приступами аэрофобии.

Наконец прибыл наш транспорт. Двое мужчин, говорящих на совершенно непонятном языке, поставили наши клетки в один ряд на тележке – теперь мы больше не видели друг друга, а могли только переговариваться. Несмотря на раннее утро, стояла совершенно дикая, удушающая, липкая духота. От невыносимой жары я вывалил язык на пле-

что, тяжело дышал. Мне было не до разговоров, хотелось одного – засунуть голову в ведро с холодной водой. Клетка казалась наглухо закупоренной консервной банкой. Неожиданно на ум пришли слова из стихотворения Лермонтова «Узник»: помню, как Сашка читал вслух, скользя пальцами по Брайлевскому дисплею. Красиво выражался Михаил Юрьевич, ничего не скажешь: «Отворите мне темницу, дайте мне сиянье дня, черноглазую девицу, черногривого коня...»

Девицу, допустим, мне не надо, да и конь гривастый тоже ни к чему, а вот на свободу хочется – сил нет, лапы совсем затекли... Сквозь решётчатое окошко своего каземата я разглядел небольшие фрагменты приближающегося здания аэровокзала.

– Тэтчер, наш аэропорт тоже назван в честь первого премьер-министра страны Давида Бен-Гуриона, – выкрикнул Ёся из своей клетки, обращаясь к таксе.

– Оказывается, именами политических деятелей называют не только собак, – ответила «железная леди».

Когда нас привезли в здание, наши подопеч... ой, никак не могу привыкнуть, хозяева уже нас дожидались.

– Как долетел, Трисон? – спросил Макс, выпуская меня на свободу.

Увидев родное лицо, я радостно завилял хвостом и громко ответил:

– Ав! – что на моем языке означало «с божьей помощью». Он вытащил из клетки миску и, наполнив её водой из бу-

тылки, подвинул ко мне, – попей, мол, приятель.

Водичка оказалась как нельзя кстати, а то у меня за три часа от жажды язык к нёбу прилип. Никогда ещё в своей жизни я не пил с таким удовольствием.

Рядом с Максимом стоял высокий мужчина примерно такого же возраста, облачённый в полицейскую форму. На ремне тёмно-синих брюк с одной стороны висел пистолет в кобуре, с другой – рация. В глаза бросился герб с непривычными буквами, нашитый на короткий рукав светло-голубой рубашки. На макушке красовалась маленькая тёмная шапочка-таблетка. Когда я заметил её, первое, что пришло на ум – панамка от солнца.

– Лёва, познакомься, это мой напарник – Трисон, – кивнул на меня Елисеев.

Когда я услышал, как он представил меня своему товарищу, грудь моментально выгнулась колесом, и я весь вытянулся, гордо задрал вверх голову. Мне даже показалось, что так я стал выше ростом. И вдруг я понял, как теперь буду называть Максима. Какой он мне хозяин, если мы вместе работаем? Конечно же, он мой напарник!

– Наслышан, наслышан о тебе, – произнёс мужчина, присел на корточки и, протянув мне руку, представился: – Я ваш израильский коллега, как ты уже понял. Меня зовут Лев.

Хм, я же умный пёс, мне и без слов понятно – полицейский ждёт, когда я дам ему лапу. Держи, приятель!

– Ты гляди, какой умный, – ухмыльнулся он, – я ещё даже

не попросил, а он уже протянул.

А ты сомневался в моём интеллекте? Мне вот что удивительно: всё-таки мы прилетели в другую страну, а полицейский говорит по-русски, хоть и с небольшим акцентом.

– Да, он у нас такой, всё без слов понимает, – подтвердил мой напарник.

От таких слов можно совсем возгордиться собой. Что-то я начал переживать, как бы на Святой земле у меня нимб над головой не появился.

Оглядевшись по сторонам, заметил: к клетке, в которой сидел Иосиф, подошёл коренастого телосложения мужчина в круглых очках. Я обратил внимание, что на его макушке тоже была шапочка-таблетка.

Хм, они здесь все носят одинаковые панамки? Только вот не пойму, почему эти головные уборы такие маленькие? Больше всего я недоумевал от того, как они держатся на макушке. Мужчины – что один, что другой – были с коротко стриженными волосами. К чему и как они их крепят? Может быть, эти шапочки приклеены к голове?

Хозяин боксёра выпустил пса из клетки и, присев перед ним, обнял за шею.

– Ну, ты как, дружище? – спросил он. Мужчина и его собака удивительным образом походили друг на друга и напоминали борцов на ринге, готовых в любую секунду кинуться в бой.

Иосиф приветливо проскулил. Хозяин пристегнул пово-

док к его ошейнику, поставил осиротевшую клетку на тележку, и они направились на выход.

– Прощай, Трисон, может быть, ещё свидимся. Израиль не такая уж и большая страна, – произнёс Ёся, обернувшись.

– Тогда до встречи, – сказал я.

Я обвёл взглядом помещение и увидел Тэтчер, сидящую на руках у мужчины. По тому, с какой радостью она лизала его лицо, я понял – ей уже было не до прощания со мной. Жаль, во всей этой суете я так и не увидел владельца щенков. Зато когда к клетке с котами подошёл ну очень упитанный мужчина, я ни на йоту не сомневался, что это – «повелитель императоров». Вот уж точно говорят: «Животные похожи на своих хозяев».

– Ну что, идём? – спросил Лева. – Моя машина стоит на стоянке недалеко от входа.

Погрузив вещи на тележку, мы направились на выход из здания, следуя за израильским коллегой по бесконечно длинным коридорам аэровокзала с красочными картинками на стенах. Будто очутились в музее изобразительного искусства. Мужчины разговаривали, а я глазел по сторонам. Пока мы как недотёпы шли пешком, рядом с нами умные пассажиры ехали на таком же длинном, как и весь коридор, эскалаторе.

– Ну и жарища, – воскликнул Макс, когда мы наконец преодолели многочисленные лабиринты аэропорта и вышли из здания в палящий зной. – Лёва, как ты здесь живёшь?

Он вытащил из нагрудного кармана рубашки солнцезащитные очки и нацепил их на нос. Прямо вылитый Джеймс Бонд. Уверен, вы сейчас подумали: «Откуда у Трисона такие познания?» Всё просто, как божий день. Однажды смотрел с Максимом фильм под названием «Агент 007».

– Ты знаешь, десять лет назад, когда я только приехал из России, тоже не понимал, как можно жить в этом пекле, а потом привык, – ухмыльнулся товарищ.

Теперь понятно, почему он говорит на русском языке. Все же за десять лет проживания в Израиле местный диалект наложил свой отпечаток на его речь.

Пока мужчины грузили вещи, я шурился, стоя под лучами палящего солнца, и озирался по сторонам. Глядя на высокие пальмы, я вспомнил русскоговорящую обезьяну Чанга. Вы наверняка читали ту историю, когда я остался один на чужом острове в океане, а она кормила меня бананами. Уф, как вспомню их вкус, даже теперь шерсть встаёт дыбом⁷. Вот скажите мне, как можно есть эту гадость?

Мимо нас проследовала группа людей, среди которых тоже были мужчины в этих невероятно маленьких шапочках. Возможно, это какой-то национальный обычай – носить таблетки на головах? Надеюсь, со временем я найду ответ на этот вопрос.

– У нас здесь холодно всего лишь два месяца в году, – сообщил Лёва, прервав ход моих мыслей.

---

⁷ Из повести «Остров везения»

– Что значит «холодно» в твоём понимании? – поинтересовался Макс, вытирая рукой пот со лба.

– Когда на улице плюс пять-десять градусов, – улыбнулся он.

– И это ты называешь «холодно»? – воскликнул Елисеев, вытаращив на него глаза.

– Для нас – да, – усмехнулся приятель и добавил: – Прыгай быстрее в машину, а то превратишься в жареную рыбу мушт.

Лёва завёл автомобиль, и через пять минут от ощущения жары не осталось и следа. Максим разместился спереди на пассажирском сиденье, а я развалился на заднем, наслаждаясь прохладой. Теперь я уже и не знал, что лучше – холод или жара. Мне кажется, от холода можно спастись: например, надеть на себя всё, что есть, полежать у тёплой батареи или печки, съесть горячую еду... а куда деваться от жары? Хорошо, если есть помещение с кондиционером. А если нет? Тогда остаётся залезть в водоём и сидеть в нем безвылазно, как бегемот.

– Ты чего не едешь? – спросил Максим.

– Жду, когда ты пристегнёшься, – ответил израильский коллега.

– В смысле? – не понял мой напарник.

– Пока ты не пристегнёшься, я не могу трогаться, – пожал плечами Лёва.

– Ты это серьёзно? – спросил Елисеев. Он недоумённо посмотрел на коллегу, словно у того внезапно выросли рога на

голове.

– Вполне, – ответил товарищ. – Понимаешь, Макс, я так привык. Пока пассажиры не пристёгнуты, ехать нельзя.

– Да-а-а, – протяжно произнёс напарник, – как у вас всё строго.

– В Израиле камеры стоят на каждой пальме! – Приятель кивнул на лобовое стекло, через которое был виден ствол тропического дерева. – Если полицейские будут нарушать законы, тогда что мы можем требовать от граждан?

– Это ты верно говоришь, – согласился Елисеев, щёлкнув у бедра ремнём безопасности, – тут с тобой не поспоришь. Несмотря на то, что я езжу за рулём в основном в полицейской форме, всегда пристёгиваюсь, правда, не сразу, а по ходу движения, что в корне неправильно. Даже в ПДД написано: «Не начинай движение, пока не пристёгнут ремень безопасности».

– Капитализм полностью меняет мировоззрение человека, – сказал Лев. – С такими штрафами, как здесь, если нарушать правила дорожного движения, можно без штрафов остаться. Причём соблюдение их касается всех – неважно, гражданский ты человек, полицейский или военный служащий. Закон для всех один.

– Да у нас сейчас тоже штрафы мама не горюй, – махнул рукой напарник, – но ты же знаешь, в России всегда с этим проще было. У вас страна маленькая, её можно всю вдоль и поперёк камерами обвешать, а попробуй это сделать у нас, с

нашими-то расстояниями. Где столько камер взять? – спросил он, и мужчины дружно рассмеялись.

– Сейчас приедем ко мне, поужинаем, а потом, если хотите, можете сходить на море поплавать, – предложил коллега.

– А ты разве не пойдёшь с нами?

– Да мне это море как собаке пятая нога, – махнул рукой товарищ.

А вот это уже что-то новенькое. Впервые за всю свою собачью жизнь я услышал это выражение. У меня такое впечатление, будто люди их придумывают на ходу. Я думал, только в России любят употреблять поговорки и фразеологизмы о нас. Оказывается, жители Израиля тоже не прочь украсить свою речь подобным образом.

– Лёва, ты когда последний раз купался в море? – спросил Елисеев.

– На пляже был лет десять назад, когда только приехал в страну, – хмыкнул он. – Тогда мне казалось – невозможно накупаться вдоволь. После того как мы с тобой окончили школу милиции, я вернулся домой в Омск и больше нигде не выезжал до самого Израиля. Хотя всегда мечтал побывать на море, но так ни разу и не съездил, всё не получалось – то одно, то другое. Жизнь такая коварная штука: ты вроде планируешь что-то своё, а она тебе говорит: «Всё равно будет по-моему». А тут дорвался, ходил плавать утром и вечером, до и после работы. Потом желание в миг пропало, словно бабка отшептала. С тех пор, если и купаюсь, то толь-

ко во время рыбалки. Люблю я это дело, – сказал коллега и добавил: – В смысле порыбачить. Ладно, так и быть, в честь вашего приезда схожу с вами за компанию, вспомню молодость.

– Странно всё-таки человек устроен, – хмыкнул Макс, – всегда мечтает о том, чего нет возможности иметь, а потом, когда желание становится реальностью, оно быстро надоедает и кажется уже не таким значимым. И тогда появляется новая мечта, ещё более несбыточная.

– О, брат, куда тебя понесло, – улыбнулся Лёва. – Пофилософствовать захотелось?

– Иногда находит. Видимо, жара на меня подействовала, – махнул рукой напарник и спросил: – А твой дом далеко от моря?

– Десять минут пешком, я живу на второй линии от пляжа, – ответил коллега.

Мне кажется, если бы я жил у моря, я бы не вылезал из него. Может, во мне говорит зов далёких предков. Вы же помните, моими прародителями были собаки викингов и басков.

Мысленно я уже валялся на золотом песочке, наслаждаюсь лучами закатного солнца под шум набегающих на берег волн, и плавал в море, ныряя как дельфин. А моими ушами играл тёплый морской ветерок, напевая слова известной песенки: «Я лежу на пляжу и млею, и о жизни своей не жалею, и вот так я всю жизнь пролежу на солёном, как вобла, пля-

жу...»

Поток моих мыслей то и дело нарушали шипящие звуки, доносящиеся по рации. У Лёвы зазвонил мобильный, он ответил на звонок и очень долго говорил на непонятном языке. Наконец, закончив разговор, он положил трубку в подстаканник и обратился к Максиму:

– Твои коллеги тоже уже прилетели. Всего вас будет десять человек из разных городов России. Завтра утром все вместе встречаемся в полиции, её штаб-квартира находится в Иерусалиме. Для начала познакомимся, представим вас начальству. Каждый из вас будет закреплён за определённым отделом, сотрудники которого будут проводить инструктаж и делиться опытом. Как ты уже понял, эти две недели мы будем находиться рядом, поэтому я и предложил тебе остановиться у меня. Так будет проще работать вдвоём, не надо делать лишних движений – забирать тебя из отеля и отвозить обратно. Тем более я сейчас живу один. Старики мои уехали в отпуск в Европу, а жены, как ты знаешь, пока нет. Недавно познакомился с девушкой, но пока непонятно, как будут развиваться наши отношения. Мы с тобой два холостяка, так что, думаю, найдём, как развлечь себя в свободное время и чем заняться. Можно будет, например, на рыбалку смотаться. Ты как, не против?

– Я только за, – кивнул напарник, – тем более что на морской рыбалке я ни разу не был.

– Вот и прекрасно. У нас с батей есть небольшая яхта,

мы иногда позволяем себе выйти в море порыбачить. Жаль только, это редко случается, – вздохнул коллега, – всё работа, какие-то дела, иными словами, сплошная суета. Так что, пока ты у меня в гостях, мы с тобой наверстаем упущенное, – улыбнулся Лёва и добавил: – Несмотря на то, что страна у нас маленькая, здесь очень много интересного. Завтра поедем в Иерусалим по работе, если получится, потом можем походить по старому городу. Положишь записочку в стену плача, попросишь у Бога, чего тебе хочется. Если будет желание, сходим на экскурсию по библейским местам. В общем, найдём, чем заняться. Поверь, твоя командировка пройдёт с пользой не только для дела, но и для души.

Он столько всего перечислил, меня прямо разбирало любопытство и нестерпимо хотелось посетить все эти места. Но больше всего мне понравилась идея с рыбалкой. Вы же знаете, меня курочкой гриль не корми, только дай поплавать.

Через некоторое время автомобиль остановился у бело-снежного дома на узкой улочке, утопающей в зелени деревьев. Только что мы ехали по выжженной солнцем пустыне с редким низкорослыми деревцами и кустарниками – и вдруг оказались в цветущем оазисе.

– Ну, вот и приехали, – сообщил товарищ, заглушив машину.

Выгрузив вещи из багажника, Лёва отворил калитку, и мы оказались в небольшом, но очень уютном дворике. Под самым окном дома рос красивый развесистый каштан, а под

ним в тени стояли три плетёных кресла и круглый стол. По всей видимости, жильцы дома здесь отдыхают, когда спадает дневная жара. Такие деревья я уже встречал на острове в океане, когда отстал от парохода⁸. Их плоды жарят и употребляют в пищу. Скажу вам, они гораздо приятней на вкус, чем эти отвратительные бананы. Не верите? А вы попробуйте.

– Лёва, у вас во дворе растут такие же цветы, как у моей матери в квартире. Только в отличие от наших, у вас они огромных размеров, – произнёс Макс, оглядываясь вокруг, и спросил: – Вот это дерево, по-моему, называется фикус? – Напарник подошёл к растению и потрогал большой лист тёмно-зелёного цвета.

– Угадал. А вон то, – коллега кивнул головой на какую-то палку с торчащими в разные стороны острыми колючками, – самый обыкновенный кактус. В России он обычно растёт в маленьких горшках на подоконниках.

– Я название «фикус» запомнил случайно, – сообщил напарник и обратился ко мне. – Помнишь, Трисон, как ты сломал цветок?

Это же какую совесть надо иметь, чтобы говорить такие вещи! Конечно, я сломал, а кто же ещё? Больше ведь некому. А ничего, что ты первый предложил поиграть в футбол в квартире? Да так ударил по мячу, что я вместе с ним врезался в фикус! Тот не удержался и рухнул на бок. Земля из

---

⁸ Из повести «Остров везения»

горшка вывалились на пол, а ствол любимого цветка Анны Михайловны сломался напополам. Как вспомню ту историю, до сих пор шерсть дыбом встаёт и хочется забиться в самый дальний угол. Вы бы слышали, как кричала женщина – громче, чем полицейская сирена!

– Мы тогда с Трисоном решили в футбол поиграть, – продолжил Елисеев, озвучивая мои мысли. – Я кинул мяч, а он, – Максим кивнул на меня, – не смог его поймать. Мать так злилась, говорит: «Вы мой фикус сломали». Думал, она нас приберёт. Поэтому и запомнил название на всю жизнь.

Вы слышали? Я сломал, потому что не смог поймать. Теперь я в полной мере осознал значение фразеологизма «повесить всех собак».

– Даже не верится, что комнатные цветы могут быть такими большими, – хмыкнул напарник.

– Ты знаешь, я тоже первое время недоумевал от этого, а сейчас привык. В Израиле всё увеличенных размеров: растения, плоды и даже насекомые. Ты ещё увидишь, какие здесь тараканы обитают. Мало того, что они громадные, так ещё и летают.

– Да ладно, – не поверил Елисеев.

– Честное слово! – произнёс Лев и даже приложил руку к груди. – Всё потому, что здесь солнце светит, считай, круглый год, и жара стоит десять месяцев. Всё растёт, как на дрожжах.

Он отворил входную дверь и добавил:

– Ладно, пойдёмте в дом, покажу, где будете жить.

Какое же я испытал удовольствие, оказавшись внутри. Несмотря на жару, здесь было довольно прохладно. Израильское жилище разительно отличалось от нашего. На стенах не было привычных обоев, вместо них – светло-бежевая краска, а пол во всех комнатах, даже в спальнях, был покрыт керамической плиткой. Окна закрывали широкие жалюзи, сквозь щели которых слабо пробивались лучи предзакатного солнца. Возможно, поэтому в доме ощущалась приятная свежесть.

– Вот ваша комната, – произнёс хозяин, открыв перед нами дверь.

На полу, рядом с кроватью, лежал разноцветный ковер. На противоположной стене за зеркальными дверцами прятался большой шкаф. Пока Макс заносил вещи в комнату и осматривался вокруг, я развалился на ковре. Всё-таки привычка – удивительно сильная вещь. Работая поводырём, я дремал при любом удобном случае. Не потому, что я отъявленный лентяй, а потому, что приходилось очень много ходить. Чувствую, находясь рядом с Максом, придётся ходить не меньше – вот только часто отдыхать вряд ли получится.

– Трезор уже выбрал себе место для сна, – усмехнулся Лев.

Я чуть не поперхнулся слюной, услышав, как он исковеркал мое имя. Это что-то уж совсем новенькое. Какой я тебе к чёрту Трезор? Ну, люди, ну и выдумщики. Ты бы меня ещё

Бобиком назвал. Интересно, у людей когда-нибудь закончатся всевозможные варианты моего имени?

– Лёва, его зовут Трисон, – рассмеялся Макс.

Ты-то чего смеёшься? Твоего напарника оскорбили – а тебе весело.

– Прости, собака, – извинился коллега. Я уж было обрадовался, думаю, человек осознал свою ошибку, а он возьми и добавь: – Какая разница, Трезор или Трисон? Главное, чтобы уважали. Верно говорю? – Он посмотрел на меня.

Эх, как жалко, что я не умею говорить. Я бы ему сейчас такую тираду выдал, он бы запомнил моё имя на всю оставшуюся жизнь!

– Ладно, парни, разбирайте вещи и приходите ужинать. Пойду что-нибудь сварганю перекусить, и пойдём плавать, – сказал Лёва, закрывая за собой дверь.

Максим положил чемодан на пол рядом со мной, открыл замок и поднял крышку. В нос ударил приятный запах ванили вперемешку с цветочным ароматом, заставив меня оторвать голову от мягкого ворса ковра. Согласитесь, странное сочетание запахов для мужских вещей.

– Какого чёрта? – воскликнул он, поочередно вытаскивая из чемодана женские вещи – комплект белья, нежно-розовую блузку, воздушную, словно зефир, золотистую туфлю на высоком каблуке. – Ну почему это случилось именно со мной? – отчаянно произнёс Макс, держа в руках предметы чужого гардероба.

Он бросил блузку и туфлю обратно в чемодан и направился на кухню, держа в руках бельё. Естественно, я не мог оставить без внимания такую интереснейшую ситуацию и увязался за ним.

– Лёва, считай что уже поплавали, – сообщил он, тряся перед приятелем дамским бикини. – Думаю, меня неправильно поймут, если я буду купаться в этом.

Вот так облом, а я уже можно сказать приготовился к заплыву на длинную дистанцию. Что же получается, мы не пойдём на море из-за какого-то чемодана?

– Что это? – удивился товарищ.

Он стоял у плиты и готовил что-то, от чего по дому плыл умопомрачительный запах. В животе громко заурчало, я невольно облизнулся и шумно сглотнул слюну.

– Женское бельё, – ухмыльнулся напарник. – Я самый настоящий идиот: перепутал чемодан и забрал чужой. Что теперь делать – ума не приложу.

– А что делать? – хмыкнул Лёва, помешивая блюдо деревянной лопаткой. – Сейчас позвоним в службу поиска багажа, объясним ситуацию. Ты не первый и не последний, такие вещи случаются регулярно. Думаю, эта барышня, – он кивнул головой на бельё, – уже тоже обнаружила твои труселя и теперь звонит в аэропорт.

Коллега вдруг рассмеялся искренним и весёлым смехом.

– Надо же, – Максим обессиленно опустил руки, – со мной такое впервые. У меня там ноутбук, фотоаппарат и все за-

рядные устройства. Хорошо, если найдём, а вдруг нет? Телефон вот-вот сядет. Не могу же я без связи остаться!

Ну, напарник, ты даёшь, вроде полицейский, а допускаешь такие оплошности! Кто же сдаёт технику в багаж? Даже я, собака, знаю, что все ценные вещи нужно брать с собой в самолёт.

– Найдём, – ободряюще заметил товарищ. – Наш аэропорт считается одним из лучших на Ближнем Востоке. Мой знакомый – он работает в службе безопасности – говорит, что теряется всего лишь два чемодана из тысячи.

– Надеюсь, мой не будет одним из этих двух, – вздохнул Елисеев и начал ругать себя на чём свет стоит, словно услышал мои мысли: – Какой же я осёл! Что я за полицейский? Как можно было компьютер сдать в багаж? Ведь прекрасно знаю, что в аэропортах крадут постоянно, а сам поступил как наивный чукотский мальчик. Ещё хотел перед вылетом переложить в ручную кладь, да во всей той предполётной суете с клеткой обо всём забыл. Вспомнил уже в самолёте. Трисон, и почему ты мне не подсказал? – Он посмотрел на меня. – Ты же опытный в этих делах!

Я оторопел. Вроде умный человек, а задаёт такие вопросы собаке. Да и откуда мне было знать, что он засунет в багаж не только меня, но и все ценные вещи?

– При чем тут Трез... ой, прости, Трисон? – удивился collega.

Лёва, ты наконец запомнишь моё имя? Или так и будешь

называть меня Трезором, будь он неладен, до конца командировки?

– Я же тебе рассказывал, он помог найти банду грабителей в аэропорту Анадыря, те крали у пассажиров не только содержимое, но и сами сумки, – напомнил напарник. – Трисон у нас стал знаменитостью после этого, о нём все СМИ писали. Ты же знаешь, между полицейскими такая информация разлетается со скоростью звука. От своих северных коллег я узнал, что оказывается, там целая багажная мафия орудовала, среди них были и сотрудники аэропорта, и совершенно посторонние люди.

– Ой, прости, запамятовал. Помню, ты писал мне об этой истории в соцсетях, даже ссылку давал на источник. – Он шутя хлопнул себя ладонью по лбу и добавил: – Я как только увидел Трисона, сразу понял – умный пёс.

Слава богу – кажется, этот человек запомнил моё имя. А за достойную оценку моих способностей и интеллекта спасибо. Я уже не раз убеждался: образование для собак имеет очень большое значение. Впрочем, как и для людей.

Лёва набрал номер и долго говорил по мобильному, а затем, отодвинув трубку чуть в сторону, обратился к Максиму:

– Принеси бирку с чемодана.

Максим ушёл и через пару минут вернулся с длинной узкой бумажкой.

Коллега продиктовал невидимому собеседнику фамилию, какие-то буквы, цифры и, отключив связь, положил мобиль-

ный на стол.

– Как я и предполагал, мадам тоже ищет свой чемодан, – улыбнулся он. – Я позвонил приятелю, сегодня как раз его смена. Он говорит, уже был звонок о пропаже багажа. Думаю, в ближайшее время все выяснится. Нам остаётся только ждать. Поскольку море на сегодня отменяется, предлагаю поужинать.

Хочу заметить, очень достойное предложение, если учесть, что последний раз я ел утром, перед отъездом в аэропорт. Надо отдать должное Анне Михайловне, жене моего подопечного – она накормила меня от пуза.

– Завтракай, Трисон, плотно, неизвестно, когда ты поешь в следующий раз, – сказала она, положив в миску порцию корма гораздо больше обычной.

Поужинать решили на улице под каштаном. Мужчины совместными усилиями быстро накрыли стол, который теперь ломился от яств. Я перепугался не на шутку, когда узнал, что мой корм, который Макс прихватил с собой на первое время, тоже остался в утерянном чемодане. Неужели мне предстоит голодная, бессонная ночь?

– Собакевич, придётся тебе есть тушёную курицу. Извини, приятель, больше ничего нет, – произнёс спаситель Лёва, поставив передо мной миску с аппетитными кусками мяса.

Хм, странное обращение! Вроде как и не обидное, на первый взгляд, но звучит как-то... по-израильски. Спасибо тебе, дорогой человек, не дал умереть собаке... голодной смер-

тью. А за курицу мог бы и не извиняться – это моё любимое блюдо, так что готов ею всю жизнь питаться.

– А нам я приготовил шакшуку. – Он поставил на стол сковороду и присел на одно из кресел напротив Макса. – У нас это блюдо едят в основном на завтрак, но я могу запросто умять его и на ужин. Уж больно оно вкусное, хотя и простое в приготовлении. Когда родители дома, мама нас с отцом балует всякими изысками. А пока их нет, я сильно не заморачиваюсь с едой. Днём что-нибудь перекушу в городе, а на ужин... – Лёва сделал паузу, отхлебнув глоток напитка из запотевшего стакана, – то, что Бог послал.

– Пахнет замечательно, – Максим наклонился над сковородой и втянул носом аромат блюда, – из чего оно готовится?

– Всё просто, – коллега развел руками, – шакшуку готовят из яиц, спелых помидоров и других овощей, кто какие любит. Также добавляют различные специи, например паприку и чёрный перец. Мне нравится поострее, поэтому я кладу ещё перец чили. – Он кивнул на тарелки с закусками. – Это хумус с тхиной: если его намазать на лаваш, получается очень вкусно. Попробуй, тебе понравится.

Напарник отломил кусочек лепёшки, обильно смазал его предложенным угощением и отправил в рот.

– И правда вкусно! – воскликнул он. – Я у нас в супермаркете видел хумус, но никогда не покупал. Всё думал, что это за экзотический деликатес? Теперь буду брать. Невероятно, просто невероятно... – Максим удовлетворённо покачал го-

ловой и спросил: – А из чего его делают?

– Из турецкого гороха, он называется «нут». Сначала его перетирают до состояния паштета, потом добавляют кунжутную пасту, оливковое масло, чеснок и лимон. Израильтяне не представляют своей жизни без него, мы едим его на завтрак, обед и ужин, с лавашем, крекерами и чипсами – кому как больше нравится.

С каким же аппетитом я лопал курицу, приготовленную по еврейскому рецепту! Очень вкусно, вот только не пойму, зачем они в неё напихали столько овощей? Аж устал выковыривать из миски. Как я уже понял, жители Земли обетованной очень любят овощи, даже яичницу с ними готовят.

– Лёва, все хочу спросить и забываю: для чего ты носишь эту шапочку? – поинтересовался напарник, кивнув на макушку собеседника. – Хотел перед отъездом погуглить и забыл.

– Она называется кипой, а кто-то именуется ермолкой. Вот вы, христиане, как показываете своё уважение к Богу? – спросил он и тут же ответил: – Вы снимаете головной убор. А мы, наоборот, его надеваем. Этот обычай уходит корнями в далекое прошлое. Кипа для евреев стала своего рода символом контакта с Богом. Так мы показываем, что склоняемся перед ним, покорно принимая его волю.

Вот я и получил ответ на вопрос, который не давал мне покоя. Оказывается, это вовсе не панамка и не шапочка-таблетка, а дань уважения Богу.

Мужчины наслаждались вкусной едой под задушевные разговоры, а я тем временем налопался, как поросёнок, завалялся на ещё не остывшую от жары тротуарную плитку у ног напарника и задремал. Что ещё нужно собаке для счастья? Я сытый и довольный, а самое главное – рядом близкий человек. Всё-таки удивительная штука – жизнь!

Трель мобильного телефона прервала дружескую беседу. Лёва ответил на звонок, снова долго о чём-то говорил, взглянув на товарища, улыбнулся и поднял вверх большой палец. Закончив разговор, он положил смартфон на стол и сообщил:

– Нашёлся твой чемодан, обещали доставить в течение часа.

– Ох, ничего себе, как оперативно работает служба поиска багажа, – ухмыльнулся Макс.

– Я же говорил, что найдут, – подтвердил свои слова Лёва.

Незаметно наступила ночь. Жара спала, а с моря подул влажный ветер, который создал иллюзию прохлады. Мы по-прежнему сидели под раскидистыми ветвями каштана, ожидая доставку багажа и наслаждаясь приятной тишиной, нарушаемой лишь непрерывной трескотнёй цикад. Через некоторое время у дома затормозил автомобиль, хлопнула дверь, и спустя пару секунд раздался звонок в калитку.

– Всё хорошо, что хорошо кончается, – философски заметил Лёва, после того как произошёл обмен чемоданами. – Предлагаю идти отдыхать, поскольку уже далеко за полночь,

а нам вставать рано утром.

– Во сколько надо выезжать? – спросил Макс.

– В восемь, – ответил коллега. – Встреча в девять тридцать, за час доберёмся.

Мужчины принялись дружно наводить порядок, убирая всё со стола. Когда была вымыта последняя тарелка и вся посуда стояла на своих местах, Лёва произнёс:

– Ну что, парни, лайла тов.

– Я так понимаю, ты пожелал нам спокойной ночи на иврите? – улыбнулся Елисеев.

– Ты смотри, какой догадливый, – рассмеялся коллега.

Тут не надо быть ясновидящим, даже я догадался, что означает это выражение.

Позже, когда мы вернулись в нашу комнату и Максим открыл чемодан, внутри него лежала записка. Он взял листок и прочитал вслух: «Возвращаю всё в целости и сохранности. Надеюсь на взаимность».

– Хм, – ухмыльнулся Елисеев, – нужны мне больно твои... – он сделал паузу, как мне показалось, загадочно улыбнулся и добавил: – ...вещи.

Напарник уснул, как только лёг на кровать, в то время как я ещё долго крутился юлой на полу. Мне не спалось, я всё думал, что ждёт меня на Земле обетованной, какие сюрпризы она приготовила для меня. Вы же знаете, ещё ни одно мое путешествие не обходилось без приключений. Эх, жалко только, что нам так и не удалось искупаться в море.

Глава 3

Утром меня разбудили птицы. Они точно с ума посходили, как будто распевались перед грандиозным концертом. Вас никогда не интересовало, почему пернатые поют по утрам? Я часто задавался этим вопросом. Может быть, таким образом они радуются новому дню, нежно-лиловому рассвету и тёплому ласковому солнцу? У меня тоже часто бывает такое состояние, о котором люди говорят «душа поёт». Жаль, что я не умею так мелодично выражать свою радость. Нет, я, конечно, могу запеть, однажды даже попробовал, на что Максим сказал: «Трисон, петь – это не твоё. Тебе медведь наступил на ухо». Я умный пёс и сразу догадался, что это образное выражение, говорящее об отсутствии у меня музыкального слуха. Но, согласитесь, звучит оно заковыристо. Только вдумайтесь в смысл и нарисуйте в своём воображении эту картинку: медведь своей огромной лапищей наступает на моё маленькое ухо. Честное слово, мои собачьи мозги порой готовы взорваться от людских выражений.

– Вставай, соня, хватит дрыхнуть, – прервал ход моих мыслей голос Макса. – Ты что сюда, спать приехал?

Напарник легонько толкнул меня в бок ногой, заставив оторвать голову от ковра. Он сидел на кровати и смотрел на меня сонными глазами, будто видел впервые в жизни.

Сам ты соня! Я, между прочим, уже давно не сплю, а слу-

шаю птичий оркестр. Елисейев взял с тумбочки мобильный телефон и взглянул на дисплей.

– Предлагаю поплавать, пока время позволяет. До отъезда ещё целых два часа, – сказал он.

Когда дело касается моря, меня долго упрашивать не надо, я готов плескаться даже ночью. Несмотря на свой пенсионный возраст, с лёгкостью молодого пса я сел на задние лапы и радостно завилял хвостом.

– Вижу, идея тебе понравилась, – улыбнулся он, потрепав меня по холке. – Тогда поднимай свою тушу и вперёд на пробежку. А то ты в последнее время совсем растолстел.

Вот что несёт этот человек? А ведь как красиво началось утро, и надо же вот так небрежно брошенной фразой взять и обломать замечательное настроение! «Поднимай свою тушу», – мысленно передразнил его я. Между прочим, я в одном весе уже несколько лет живу. Да и как я могу растолстеть, если меня кормят два раза в день и строго по расписанию? Между прочим, диетологи говорят: «Если придерживаться строгого распорядка дня и принимать пищу в одно и то же время, то никогда не поправишься». Ляпнул какую-то ерунду, лишь бы оскорбить бедного пса.

– Да ладно, приятель, не обижайся! – Он присел рядом со мной, взял меня за лапу и заглянул в глаза. – А то, я смотрю, ты сразу сник. Я пошутил, ты вовсе не толстый, а в меру упитанный собакен.

Да бог с тобой, не обижаюсь я. Знаю – говоришь это не со

злости, а шутки ради.

Уже через несколько минут мы вышли за калитку и направились в сторону моря. Утренняя тишина, такая хрупкая и неустойчивая, ещё висела над тихой улицей, утопающей в зелени. Вдоль дороги тянулись белоснежные дома, а перед ними разноцветные клумбы. В воздухе витал аромат цветов. Я вприпрыжку бежал рядом с Максом. Мне не терпелось быстрее добраться до пункта назначения, но я не забывал делать по дороге пометки. Так, на всякий случай. Дойдя до перекрёстка, мы свернули на соседнюю улицу, в конце которой я разглядел набережную с высоченными пальмами и зелёными газонами – за ней и раскинулось лазурное море. Я сорвался с места и стремглав помчался вперёд, постоянно оборачиваясь и гавкая, призывая напарника не отставать.

– Трисон, не так быстро, я не успеваю! – выкрикивал он на бегу.

Теперь посмотрим, кто из нас поправился. Давай, коллега, пошевеливайся!

Я добежал до широкой автомобильной дороги, где уже было оживлённое движение, и остановился на светофоре. К тому моменту, как загорелся зелёный свет, Максим нагнал меня. Мы перешли по зебре и оказались на пустынном пляже. Море заметно штормило, но разве это могло стать препятствием для потомственного мореплавателя? Оглядевшись по сторонам, я заметил знак, на котором жирной чертой чёрного цвета был перечёркнут плывущий человек. Игнорируя

его, я с разбегу забежал в воду и поплыл. Вы не представляете, что я почувствовал в тот момент!

Во мне разыграли гены предков. Словно дельфин, я то и дело выпрыгивал из воды и, мощно рассекая волны лапами, нырял вглубь, оставляя за собой лишь пенные брызги.

– Трисон, здесь купаться запрещено, – услышал я голос Максима, в очередной раз вынырнув из воды, – вылезай из воды!

Хм, внимательно посмотри на знак – там нарисован человек, а не собака.

– Побежали, догоняй, – скомандовал он.

Он снял кроссовки, и, оставив их на берегу, перекинул майку через плечо и помчался вдоль кромки моря.

Я продолжал плыть вперёд, всё дальше отдаляясь от берега. Неожиданно, словно из ниоткуда, появилась стая огромных медуз размером с большую пиццу. Они будто поджидали меня и сразу облепили со всех сторон, как пиявки. Я волей-неволей то и дело притрагивался к мерзким, скользким существам. Бр-р, скажу вам, ощущение не из приятных. Уж лучше всю жизнь бананами питаться, чем прикасаться к этим отвратительным субстанциям. Внезапно я почувствовал, как одна из них ужалила меня в лапу. Верите, я чуть не взвыл от боли! Желание плавать в миг улетучилось – я развернулся и быстро поплыл назад, а эти слизни не захотели со мной расставаться, поэтому продолжали липнуть ко мне и жалить во всевозможные места. До берега же теперь было

приличное расстояние. Доплыв до него, я, едва почувствовав дно, со всех лап бросился из воды. Вот так поплавал! Даже сквозь слой шерсти они умудрились прожечь меня своим ядом. Я представляю, что они сделали бы с человеком, окажись он в их окружении... Вот глупый пёс, полез в воду – наверняка знак «купаться запрещено» здесь поставили неслучайно.

Выбравшись из воды, я отряхнулся и побежал догонять напарника. Шкура горела огнём, и я чувствовал себя Винни Пухом, забравшимся в пчелиное гнездо за мёдом. Таких бегунов, как мой напарник, здесь было немало. Приходилось то и дело обгонять любителей утренних пробежек, ловко перепрыгивая через выброшенных морем длиннющих угрей. Таких рыб я уже видел в своей жизни, когда остался один на чужом острове⁹. Глазея по сторонам, невольно обратил внимание – никто из людей не купался, и, по-моему, я был единственный, кто плавал этим утром в море. Прохожие гуляли по берегу, а набегающие волны омывали их ноги. Увидев впереди сверкающие пятки Максима, я рванул к нему.

– Наплавался? – спросил он, когда я с ним поравнялся.

– Ав, – ответил я, имея в виду: «Триста лет мне не нужно такое купание. Если бы я вовремя не сбежал от медуз, то точно превратился бы в поджаренный блин».

Макс добежал до забавного разноцветного домика, стоящего на сваях (чем-то он напомнил мне избушку на курьих

---

⁹ Из повести «Остров везения»

ножках), остановился и, пыхтя, упёрся руками в колени, чтобы перевести дух.

– Ты искупался, теперь моя очередь, – не до конца отдышавшись, произнёс он.

Напарник бросил майку на песок и пошёл в воду. Вдруг над пляжем раздался громкий голос, говорящий на непонятном языке. Не обращая на него внимания, Макс продолжил всё дальше заходить в море. Из домика выскочил босоногий мужчина крепкого телосложения в одних шортах и бейсболке, подбежал к нему и начал что-то объяснять, активно жестикулируя. По удивлённому лицу Елисеева стало ясно: он не понимает, что от него хотят. Ещё один мужчина, который всё это время стоял на деревянном балконе избушки, сбежал вниз по лестнице и тоже подбежал к ним.

– Мужик, ты русский, что ли? – спросил он.

– Ну да, – ответил Макс.

– Ты же видишь, чёрные флажки стоят, – мужчина кивнул в сторону развевающихся на ветру полотен, – они означают, что купаться запрещено.

– Я не знал этого, – развел руками Елисеев, – думал, плавать можно в специально отведённых местах вблизи спасателей и там, где нет знака.

– Так он же тебе кричал в рупор, чтобы ты не заходил в воду! – Мужчина показал на своего товарища.

– Я не знаю иврита, – пожал плечами напарник. – Если бы на английском предупредил, я бы понял.

– Сегодня море сильно штормит, да и медуз ядовитых полно. Ты же наверняка не хочешь получить ожоги, – сказал спасатель.

– Спасибо, что объяснил, – поблагодарил напарник. – Я первый раз в вашей стране. Местный язык не понимаю. Впредь буду знать – если стоят чёрные флажки, значит, купаться нельзя.

Но на этом наши утренние приключения не закончились. Вернувшись к тому месту, где Максим оставил кроссовки, мы их не обнаружили. Пока он ходил по пляжу в поисках обуви, мимо нас проходила пожилая пара. Женщина заинтересованно смотрела на Елисеева.

– Молодой человек, вы что-то потеряли? – спросила она.

– Кроссовки, – ответил он и показал на то место, где стояла обувь. – Оставил их здесь, а пока бегал, они исчезли. Наверное, украли.

– Здесь обычно не крадут вещи, – сообщил её спутник и с улыбкой добавил: – Скорее всего, их унесло в море. Позвольте дать вам совет на будущее: если оставляете что-то на берегу, кладите подальше от воды и желательно чем-то придавливайте, чтобы ничего не улетело. Здесь иногда бывают очень сильные ветра.

– Спасибо за рекомендацию, – кивнул Макс. – Ну что ж, придётся идти домой босиком. Хорошо, что живём недалеко.

Он надел футболку и обратился ко мне:

– Ладно, пойдём, Трисон. Что-то не везёт мне сегодня с самого утра.

В то время, когда мы вернулись домой, Лёва уже проснулся и хлопотал на кухне. Уловив приятные запахи, я почувствовал, как сильно проголодался. В животе заурчало – казалось, я готов съесть целого мамонта.

– На море были? – спросил Лёва, посмотрев на босые ноги товарища.

– Угу, – кивнул Максим и ухмыльнулся: – Мало того, что не искупался, так ещё и кроссовки потерял.

– В смысле? – насупил брови приятель.

– Оставил на берегу, пошёл бегать, а когда вернулся, их будто корова языком слизала. Мимо мужчина с женщиной проходили, говорят, волной смыло.

– Да, такое случается. Море – оно такое, забирает всё, что плохо лежит. Со мной однажды произошёл примерно такой же случай. Бросил тапки у воды и пошёл плавать, а когда вышел, их не было. Теперь станешь умнее, – улыбнулся товарищ и добавил: – Пусть это будет твоим самым плохим воспоминанием о поездке.

На барной стойке, что отделяла кухню от гостиной, Лёва расставил тарелки, поставил прозрачный кофейник с любимым утренним напитком людей, графин с апельсиновым соком и сказал:

– Переодевайтесь и приходите завтракать. Через полчаса выезжаем.

До штаб-квартиры полиции Израиля мы добирались недолго – во всяком случае, так мне показалось. Только я задремал на заднем сиденье автомобиля, наслаждаясь приятной прохладой салона, как открылась дверь и прозвучала команда:

– Выходи, напарник. Приехали.

Я выбрался из машины и в прямом смысле слова обалдел. Весь внутренний двор перед входом в здание был забит людьми в форме. Полицейские выстроились в длинную шеренгу, рядом с каждым сидел мой собрат. Среди них я заметил своих соплеменников – лабрадоров всех мастей: чёрных, шоколадных и один в один как я – золотых. Здесь же были ретриверы и, конечно же, немецкие овчарки. Ни один полицейский участок не обходится без их помощи. Почуввав меня, они все, как по команде, повернули головы и с любопытством стали нас рассматривать.

– Ох, ничего себе, – присвистнул Елисейев и обратился к товарищу: – Это что за демонстрация такая?

– Так совпало, сегодня как раз в полиции день открытых дверей, – ответил товарищ и кивнул на строй. – Они все сейчас пойдут на площадь Сафра к зданию столичной мэрии. Там будут проводить показательные выступления, демонстрировать работу кинологов, современное оружие и амуни-

цию, методы спасения пострадавших и задержания преступников. Обычно такие мероприятия проходят по всей стране, чтобы люди могли ближе познакомиться с работой полиции.

– Хорошее дело, – отозвался Макс.

Я обратил внимание, что Лёва в этот день был в гражданской одежде. Он подошел к командиру, поздоровался с ним за руку. Затем представил коллеге Максима, который тоже пожал руку полицейскому. Мужчины заговорили между собой на английском – я это сразу понял, уже доводилось слышать эту речь. Когда-то иностранный ветеринар, осматривающий меня перед забегом в упряжке, разговаривал с чукчей Владимиром на таком же языке¹⁰. Пока мужчины общались, сородичи обрушились на меня с вопросами. Хорошо хоть у животных нет проблем с языками. В какой стране бы не жили, мы поймём друг друга без проблем.

– Эй парень, ты к нам на работу? – окликнул меня золотистый ретривер.

– Нет, – мотнул я головой, – я здесь в командировке.

– А ты откуда приехал? – спросил чёрный лабрадор.

– Из России.

– О, мой хозяин тоже оттуда, – радостно воскликнула немецкая овчарка и добавила: – Я даже немного понимаю русский язык.

– Тебя как зовут? – выкрикнул ещё один немец.

– Трисон, – ответил я.

---

¹⁰ Из повести «Тришка на Севере»

– А меня Арон, – представился он. – Я работаю полицейским, ловлю преступников.

– Я ищейка, меня зовут Мэнни. Работаю в аэропорту, помогаю находить запрещённые вещества, – сообщил ретривер.

– А моя кличка Дизель, я тружусь в основном в местах массовых скоплений людей, там, где много туристов, – рассказал чёрный пёс моей породы.

– Приходи сегодня на площадь, мы будем демонстрировать своё мастерство. Посмотришь, как работают настоящие профессионалы, – похвастался шоколадный лабрадор.

– Если получится, загляну непременно, – пообещал я.

– Трисон, а ты кем работаешь? – спросила овчарка и представилась: – Меня, кстати, зовут Тейлор, я работаю в общественном транспорте.

– Раньше был поводырём, теперь служу в полиции, – ответил я и кивнул головой на Макса. – А это мой напарник.

Сколько же кличек я услышал – новых, абсолютно незнакомых! Каких только нет профессий у моих братьев, вы заметили? А чему, собственно, я удивляюсь? На протяжении долгих тысячелетий человек не обходится без нашей помощи.

Что, разве не так? Кто с давних времен охраняет дома людей и помогает перевозить человеческий скарб с одного места на другое, кто пасёт стада и охраняет их от диких зверей? То-то же! Благодаря нашим физическим и интеллектуаль-

ным способностям люди задействовали нас в самых разных сферах человеческой деятельности. Они используют наш исключительный нюх, чтобы находить пропавших под снежными лавинами и в руинах после землетрясений, обнаруживать запрещенные вещества в туристических местах. В любой стране мира преступников помогают ловить четвероногие друзья. И всё это мы делаем бескорыстно, ведь нами движет преданность, доброта и бесконечная любовь к человеку.

Елисейев натянул поводок. Нам пора.

– Ладно, парни, идём, у нас мало времени, – сказал Лёва. Несмотря на тёмные очки, он прижал ладонь козырьком ко лбу и показал рукой на другой конец здания. – Надо ещё попать вон в то крыло.

– Пойдём, приятель, у тебя ещё будет время пообщаться с израильскими друзьями, – сказал Максим.

– Пока, Трисон! – выкрикнул ретривер.

– До встречи, – ответил я, обернувшись.

Когда мы добрались до места, оказалось, что все коллеги уже в сборе, ждали только нас. Мы прошли в зал и заняли свободные места рядом с мужчиной, у ног которого лежал красивый чёрный кокер-спаниель с умными и в то же время грустными глазами. Пёс водил ими из стороны в сторону, наблюдая за нашими действиями. По бокам его головы висели смешные уши, похожие на два кудрявых хвостика – не хватало только разноцветных бантиков. Вокруг чёрной пуговицы носа проглядывали вкрапления светлой шерсти, и складыва-

лось впечатление, будто у кокера седая морда. Я поприветствовал его кивком головы, лёг на пол рядом с Максом и положил морду на лапы.

– Альфред, – представился пёс, приподняв голову.

– Трисон, – ответил я.

Да что же это за имена у них такие, без дополнительной порции корма не выговоришь! Альфред, понимаешь ли. Хотя чему я удивляюсь, моё имя, что ли, проще? Ещё обижаюсь на людей, когда они не могут запомнить его с первого раза.

Я приподнял голову и обвёл взглядом помещение – полный зал полицейских: среди них были сотрудники в форме и в гражданской одежде, а из четвероногих только я и кокер.

Через некоторое время в зал вошли ещё двое мужчин: судя по форме и по тому, как все присутствующие в зале встали при виде них, я понял – важные начальники. Один из них заговорил на иврите, другой тем временем переводил его речь на родной язык для коллег из России.

– Терпеть не могу всякие сборища, – вздохнул спаниель и пробубнил: – Для чего хозяин таскает меня на них, не понимаю. Лежи теперь и слушай человеческую болтовню. Делать им больше нечего, как лясы точить! Работать надо. Кстати, ты местный или приезжий?

– Я из России, приехал сюда в командировку с напарником, – поведал я.

– Россия – это там, где всегда холодно и медведи по дорогам ходят? – вскинув бровь, спросил он.

– Да нет у нас никаких дорог! – воскликнул я, но, спохватившись, добавил: – Нет, конечно, они есть. Я хотел сказать, что медведи у нас живут в тайге или на Севере и по дорогам не бродят. А холодно у нас только зимой, в остальное время очень даже комфортная погода, нет такой изнуряющей жары, как у вас. А кто тебе такое рассказал про нашу страну?

– Один иностранец, пёс по кличке Каспер. Он тоже приезжал к нам в Израиль по обмену опытом. Говорит, был в России – чуть лапы не отморозил и медведя видел прямо на главной площади.

– А-а-а, – воскликнул я, – я тоже видел того мишку. Так его нарочно для туристов водили по Красной площади, чтобы могли сфотографироваться! Кстати, он в наморднике и в сопровождении дрессировщика гулял.

Я давно слышал, что многие иностранцы, которые ни разу не были в России, думают, будто в нашей стране до сих пор живут чуть ли не первобытные люди, бегающие с топором за мамонтом в шапках-ушанках. Точно так же, как мы думаем, что все они толстые из-за того, что целыми днями лопают гамбургеры и пьют кока-колу.

Стереотипы – вещь удивительно липкая, точно банный лист: если приклеился, не отлепишь. Я думаю, это все из-за того, что люди мало информированы друг о друге, не знают культуру и обычаи других народов и ограничивают свой кругозор лишь территорией своей страны. Не собаке судить, но сдаётся мне, чтобы избавиться от этих ложных представле-

ний, нужно читать больше литературы зарубежных авторов, по возможности чаще путешествовать, делиться со своими друзьями и знакомыми впечатлениями об увиденных странах. Прости, дорогой читатель, что-то ударился я в размышления. А всё потому, что какой-то Каспер ввёл в заблуждение спаниеля.

– Ты кем работаешь? – спросил я.

– Вместе с ним в дорожной полиции служу. – Он скосил чёрные глаза на мужчину, у ног которого лежал.

– Ладно он, а ты что там делаешь? – не понял я.

– Автомобили досматриваю. Мы втрём – я, мой напарник и ещё один коллега – в патрульной службе, объезжаем на машине улицы города. Очень часто приходится останавливать подозрительные автомобили, я проверяю их первым и только после того, как удостоверюсь, что всё нормально и в машине нет ничего запрещённого, к осмотру приступают люди.

Хм, ещё одна собачья профессия, о которой я раньше не слышал. Оказывается, среди наших братьев даже есть дорожные инспекторы.

– У тебя сложная работа, так что пользуйся случаем и, пока есть свободная минута, отдыхай, – посоветовал я.

– Не могу сидеть без дела, мне надо постоянно двигаться. Если я долго ничего не делаю, становлюсь злым и раздражительным.

Надо же, а я наоборот, после отдыха спокойный как удав

и более работоспособный, хоть горы сворачивай. Казалось бы, все собаки сделаны из одного теста, а какие у всех разные характеры и темпераменты! Прямо как у людей. Я ненароком вспомнил неугомонного далматинца Гороха, который ни минуты не сидел спокойно на одном месте¹¹.

– Ты любишь охоту? – вдруг спросил Альфред.

– Не знаю. Я на ней ни разу не был.

– Ты многое потерял! Я люблю охотиться. Особенно мне нравится ловить ящериц и змей. У нас их здесь полно. Правда, хозяин говорит, это опасно.

– Они же могут тебя ужалить! – воскликнул я, вспомнив, как меня укусила змея, когда я отстал от теплохода и остался один на чужом острове в океане¹².

– Хм, ещё ни разу такого не случилось, я гораздо ловчее их, – самоуверенно произнёс пёс и тяжело вздохнул: – Вообще-то, из-за своей любознательности я очень часто страдаю.

– Почему? – удивился я.

– Понимаешь, мы, спаниели, по своей натуре ещё те следопыты. Бывает, найду на улице какую-нибудь еду и слопаю или в мусорное ведро заберусь за остатками обеда... – Пёс стыдливо опустил глаза. – Хозяин ругается, говорит: «Какой ты к чёрту король? Дворняжка ты».

Что-что, а по мусорным вёдрам я никогда не лазил.

– А король-то тут при чём? – не понял я.

---

¹¹ Из повести «Тришка на Севере»

¹² Из повести «Остров везения»

– Хм, – он посмотрел на меня так, словно перед ним не лабрадор, а олень пятнистый, – я же англичанин американского происхождения, и назвали меня в честь Альфреда Великого, короля Уэссекса. Между прочим, он первый использовал титул «король Англии».

Вы заметили? В этой поездке меня окружают сплошные премьер-министры и императоры, а теперь вот ещё король мусорных ведёрок нарисовался. Хм, какой я всё-таки наивный пёс – думал, только у меня царское имя!

За разговором мы не заметили, как закончилось собрание, люди начали подниматься со своих мест и выходить в коридор. Пока Максим здоровался с коллегами из России, я был рядом с ним. При виде меня полицейские расцветали, словно пионы на грядке, с усердием гладили по голове и трепали за ухо. Я уже давно привык к такому проявлению человеческого уважения (эти действия являются неотъемлемой частью знакомства со мной), но всё же не перестаю удивляться людям: такое чувство, будто они впервые в жизни видят перед собой собаку. Каждый из них высказал своё, схожее с другими, мнение обо мне: «Хороший пёс, просто замечательный». Это я и без вас знаю, а вот трогать мои уши совсем не обязательно.

Небось, читаете сейчас и думаете: «Вот Трисон какой капризный!» А вы представьте себя на моём месте: знакомитесь вы с человеком, а он хватить вас за мочку уха и начинает её дёргать так, будто у вас случился юбилей. Скажите чест-

но, что вы подумаете об этом человеке? Вот так же и я. Но не буду озвучивать своё мнение вслух, ещё обидитесь.

Глава 4

Попрощавшись с коллегами, мы вышли из здания штаб-квартиры полиции и направились в сторону автомобиля. После прохладных помещёний, оказавшись на улице, я почувствовал, как нещадно жжёт солнце. Морду сразу опалил горячий воздух. Скажу честно, ходить по раскалённому асфальту – дело не из приятных. Приходилось постоянно при-танцовывать чечётку.

На Севере я переживал, чтобы не примёрзнуть к сугробу, а здесь думал, как бы не поджарить лапы. Хоть бы какие сланцы для нас придумали. Надевали же на меня тапки на Чукотке во время бега в упряжке. Не представляю, как можно жить в такой духовке десять месяцев в году. Ведь можно с ума сойти! Уж лучше пусть будет холодно. Нет, пусть во всём будет золотая середина.

– Макс, предлагаю убить сразу двух зайцев, – сказал Лёва, доставая из нагрудного кармана солнцезащитные очки, – пока будем гулять по старому городу и смотреть достопримечательности, я буду делиться с тобой опытом. Например, как мы вычисляем в толпе подозрительных личностей. Иерусалим – это лакомый кусочек для преступников всех мастей. Кого здесь только не встретишь!

– Трисон, ты слышал, что сказал мой товарищ? – обратился ко мне напарник. – Мотай каждое слово на ус, чтобы по

возвращении домой ты был у меня настоящим асом.

Хм, да мне и учиться не надо, я и так найду, что хочешь. Хоть иголку в стоге сена, лишь бы она запах имела.

– Если хочешь, проведу для тебя экскурсию по библейским местам. Я, конечно, не лучший гид, но расскажу, что знаю, – предложил Лёва.

– Отличная идея, – согласился Елисеев, – совместим приятное с полезным.

– Тогда нам нужно будет немного проехаться. Здесь недалеко.

Полицейская машина приветственно моргнула фарами, когда он нажал кнопку на пульте сигнализации. Макс открыл заднюю дверь и скомандовал:

– Ныряй, собакен.

Только очень умный пёс способен понять такую команду. Другой бы на моём месте полчаса думал, что от него хочет человек, и неизвестно, догадался бы в конечном итоге или нет.

Мужчины расположились спереди, Лёва на полную мощность включил кондиционер, и через несколько минут по салону поплыла долгожданная приятная прохлада. Он вырулил с парковки, машина с небольшой скоростью двинулась по улицам Иерусалима. Дома из белого камня светились в лучах солнца и выглядели настолько древними, что при взгляде на них казалось – каждый камень, каждый кирпич помнит события давно минувших дней.

– Подъедем чуть ближе к старому городу, там есть небольшая стоянка, где можно оставить машину, – сообщил Лёва. – Предлагаю пройти по улице Via Dolorosa. Кстати, название улицы в переводе с латинского языка означает «путь скорби». Как ты уже понял, по этой улице Иисус Христос нёс свой крест на Голгофу. А начинается она с того места, где когда-то была резиденция Понтия Пилата.

– Я читал, что старый город поделён на четыре квартала: мусульманский, христианский, армянский и еврейский. По какому из них проходит путь?

– В основном по мусульманскому. Вот мы и приехали. Остаётся только найти место, где припарковать машину.

– Так быстро, мы же ехали совсем ничего! – удивился Макс.

– Иерусалим – это тебе не Москва, – заметил Лёва. – Тут чтобы добраться от одного места до другого на машине, нужно пять минут – при условии, что нет пробок.

– Так вот же есть место, – воскликнул напарник и показал на свободное пространство между двумя автомобилями.

– Здесь нельзя стоять. Видишь знак? Это стоянка для инвалидов.

– Лёва, так у тебя полицейская машина с мигалкой, тебя же никто не тронет! – удивился Елисеев.

– Ну, я же не инвалид. Кем бы я ни был, хоть самим Господом Богом, я не имею права занимать чужое место.

– Понял, – закивал головой Елисеев. – Как у вас всё се-

рьёзно.

– Ты знаешь, я сам был в подобной ситуации лет семь назад в Штутгарте, – рассказал Лёва. – Я тогда был в командировке в Германии. Вечером мы отправились поужинать вместе с местным полицейским на его служебной «BMW». Парковка у ресторана была подземная, и когда мы туда заехали, обнаружили одно свободное место прямо у лифта. Рядом абсолютно никаких знаков. Смотрю, он не ставит на него машину, а кружит по стоянке в надежде найти другое. Я у него спросил: «Так вон же место. Почему туда не поставить?» А он ответил: «Это стоянка для одиноких дам, видишь, место рядом с лифтом и освещено». Честно сказать, я тогда обалдел от его сознательности. Казалось бы, ставь машину и иди ужинай – а он думает о какой-то одинокой женщине, которой вздумается приехать ночью в ресторан. Нам тогда повезло, вскоре освободилось место. Так что и мы постоим кцат-кцат, и нам тоже повезёт.

– Что означает «кцат-кцат»? – спросил Макс и предположил: – Похоже на «чуть-чуть».

– Угадал, хавер, – улыбнулся коллега.

– А это ещё что означает?

– Друг. Так поживёшь со мной две недели, глядишь, и иврит выучишь.

И правда, ждать пришлось недолго – через некоторое время с парковки выехал автомобиль, уступив нам парковочное место. Мы выгрузились из машины, и Максим, надевая солн-

цезащитные очки, обратился ко мне:

– Триха, будь рядом, от меня ни на шаг. Не дай бог потеряешься, где потом тебя искать?

Рядом так рядом, мне и самому не хотелось заблудиться в лабиринтах древнего города.

– Вот, собственно, то место, откуда начинался путь Христа. Здесь когда-то находилась резиденция Понтия Пилата. – Лёва показал на строение из светлого камня с надписью над входом. – От неё, конечно же, ничего не осталось. Теперь здесь находится женский католический монастырь.

Мы неторопливо пошли по узкой улочке, вымощенной старинным булыжником. Нас то и дело обгоняли туристы – либо поодиночке, либо в группах. Они глазели по сторонам, застывая с открытыми ртами у древних построек, бесконечно фотографируя каждую надпись и табличку, каждую фреску и барельеф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.